

УДК 316.346.32-053.6

УКОЛОВ Роман Александрович,
аспирант кафедры социологии, политологии и права
Института социологии и регионоведения Южного фе-
дерального университета, Ростов –на-Дону, Россия
e-mail: sto-rostov@mail.ru

UKOLOV Roman Alexandrovich,
Postgraduate Student at the Chair of Sociology, Political
Studies and Law, Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern (Region) Federal University,
Rostov-na-Donu, Russia
e-mail: sto-rostov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ АГЕНТЫ ТРУДОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОЦЕНКА СОЦИАЛИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

MAJOR AGENTS IN SOCIAL ADAPTATION TO WORK IN RUSSIAN YOUTH: ASSESSMENT OF SOCIAL ADAPTATION POTENTIAL

В статье оценивается социализационный потенциал основных агентов трудовой социализации российской молодежи сквозь призму кризисных явлений, характеризующих функционирование всей социализационной системы современной России, и актуализируется проблема формирования креативности в ходе трудовой социализации как востребованного качества личности для ее успешной профессионально-трудовой самореализации.

The paper considered the social adaptation potential for the major agents of social adaptation to work in Russian youth through the prism of crisis phenomena that determine operation of the entire social adaptation framework in the contemporary Russia. Shaping creative abilities being the subject of great contemporary concern while social adaptation to work, as these personal merit properties are called for in a successful self-fulfillment in the occupation and career.

Ключевые слова: социализация, агенты социализации, трудовая социализация, молодежь, труд, трудовые ценности, институт семьи, институт образования.

Key words: social adaptation, agents of social adaptation, social adaptation to work, youth, work, work values, the institution of family, the institution of education.

Отношение к труду у молодежи формируется задолго до непосредственной реализации трудовых практик, хотя оно может и меняться в ходе трудовой деятельности. Ключевыми акторами формирования трудовых ценностей молодежи выступают институты семьи и образования, которые, как и вся институциональная система российского общества, переживают период трансформации, сопровождающийся кризисными проявлениями в их функционировании. В данной статье в качестве основной цели выступает оценка социализационного потенциала основных агентов трудовой социализации российской молодежи сквозь призму кризисных явлений, характеризующих функционирование всей социализационной системы общества.

Российские исследователи пишут о том, что российское государство в современную эпоху столкнулось с рядом проблем, которые представляют серьезную угрозу его национальной безопасности, и среди них: резкое снижение здоровья и социального самочувствия населения, рост преступности, особенно в молодежной среде, тенденции депопуляции российского народа (в частности русского), снижение интеллектуального и в целом социального потенциала страны, рост безграмотности, духовной деградации, снижение патриотизма и толерантности, рост экстремизма и ксенофобии и т.д., т.п. [1]

Безусловно, эти проблемы возникли вследствие социализационного кризиса в стране ввиду того, что основные агенты социализации неэффективны в выполнении своих социализационных функций. Это относится и к функции трудовой социализации. Но надо четко понимать, что социализационные деформации – лишь следствие произошедшего в российском обществе в результате всего периода реформирования после того, как перестал существовать СССР. И в этой связи оценивать социализационный потенциал ключевых агентов трудовой социализации российской молодежи, коими являются институт семьи и институт образования, следует в контексте происходящих в социально-экономической, политической, духовной сферах российского общества перемен и сложившейся в их результате условий. Поэтому, на наш взгляд, необходимо показать во всей социальной остроте те узловые проблемы, те кардинальные перемены в образе жизни современных россиян, которые не позволяют стране двигаться вперед и преодолевать многочисленные риски, в том числе социализационные.

Одним из тех, кто наиболее критично подошел к постановке проблем, которыми характеризуется современное российское общество, является российский ученый А.А. Возмитель, в рамках изучения образа жизни россиян на грани советской и постсоветской эпох обративший внимание на целую гамму негативных явлений, последовавших за периодом перестройки и последующим распадом СССР [2]: захват общественной собственности, за которой последовала открытая криминализация общества на уровне власти, бизнеса и других групп населения, обслуживающих их интересы, что, в свою очередь, вызвало волну недоверия народа практически ко всем структурам власти, за исключением власти верховной в лице президента, тотальную коррупцию, духовное обнищание человека по причине его бесправия и беззащитности, закабаления чуждыми идеалами и ценностями.

Ж.Т. Тощенко столь же критичен в отношении оценки современной российской реальности, в которой как наиболее опасные привлекают внимание такие явления, как: anomия, проявляющаяся в безразличии, апатии; фрустрация, выражающаяся в агрессивности, демонстративной неподконтрольности; рост ксенофобий и этнофобий; «макдональдизация» сознания как ориентация на бездумное и беспредельное потребительство; архаизация социальной практики как возвращение к ушедшим в прошлое формам жизнедеятельности; отчуждение большей части общества (так называемые «малоимущие») от общественной жизни; утрата значительной частью российского населения этических и нравственных ориентиров; неспособность правящего политического класса действовать в интересах народа [3].

Подобные изменения в общественной жизни, ставшие отражением духовного кризиса общества, не могли не сказаться на отношении к труду, на отношениях между людьми, на отношении к нормам права, на жизненных стратегиях, и, как показывает А.А. Возмитель, общим вектором произошедших перемен стало активное расширение зоны действия норм негативных за счет сужения зоны действия норм позитивных: жители России утратили в своем большинстве уверенность в завтрашнем дне; в 2 раза стало меньше тех, в ближайшем социальном окружении которых почти все стремятся работать как можно лучше; на 40% сократилась доля микросред, состоящих из отзывчивых людей, всегда готовых прийти на помощь; в 4,4 раза стало больше людей, в ближайшем окружении которых почти все озабочены собственным благополучием и ориентированы исключительно на себя; в 3 раза увеличилось число людей, постоянно находящихся в среде горько пьющих, а также тех, кто заражен националистическими предрассудками [4]. Остается только согласиться с выводом о том, что в России налицо отчетливая тенденция замены благоприятной для нормального человека социальной среды на неблагоприятную – паразитически-эгоистическую, агрессивно-враждебную [5].

Может ли в подобных условиях эффективно функционировать социализационная система? Может ли она воспроизводить те ценности и нормы, которых уже не существует? Почему мы удивляемся тому, что молодежь стала прагматичной, эгоистичной, бездуховной, если эти характеристики отражают сущность всего российского общества? Можно ли требовать от современной российской семьи воспитывать молодежь в духе высоко моральных ценностей, когда в обществе утрачены единые представления о том, что такое мораль и нравственность? Мы можем лишь надеяться на это, но и в этом случае возникает ситуация, при которой высоко нравственные установки, переданные молодежи семьей, наталкиваются на тотальную социальную несправедливость, как только она вступает во взрослую жизнь, пытаясь найти работу по специальности с достойной оплатой труда; создать семью, не имея возможности для ее нормального обеспечения; заняться познавательным туризмом и спортом, некоторые виды которого предполагают серьезные материальные вложения в спортивное оборудование (велоспорт, туризм, альпинизм и др.).

Безусловно, первым и самым важным агентом социализации, в том числе трудовой социализации, выступает семья, которая закладывает в душе и сознании ребенка первые представления о мире, о людях, о ценностях, человеческих отношениях, о том, что такое труд и как к нему надо относиться [6]. В этой связи необходимо проанализировать, что происходит с современной российской семьей как агентом социализации молодежи с тем, чтобы оценить ее социализационный потенциал в плане формирования трудовых ценностей молодых россиян.

П.М. Козырева отмечает, что, несмотря на кардинальные перемены в жизни людей, семья по-прежнему продолжает оставаться одним из ключевых институтов социализации и важнейшим агентом социального воспроизводства посредством трансляции традиций, норм, определяющих поведение детей и их будущую жизненную траекторию [7]. Т.А. Хагуров пишет о сбое социализирующей функции семьи, а также школы и права в силу глубочайшего социокультурного кризиса в России, который рассматривается им сквозь призму кризиса идеального [8]. Семья не может эффективно выполнять свои социализационные функции в условиях, когда не работает нормативно-правовая система в обществе, когда отсутствуют ценностные регуляторы. «Задача взрослого, – пишет Хагуров, – сформировать ценностную позицию, преодолевающую индивидуальный эгоизм, так как, в противном случае, не может сформироваться ответственность как условие социальной зрелости» [9]. Именно поэтому сегодня молодое поколение россиян отличается ростом инфантилизма как отражения социальной незрелости, неготовности к самостоятельному принятию решений и ответственности за них.

Российские ученые, понимая, что социальные деформации в социальной среде российского общества следует рассматривать как результат социализационного кризиса семьи, разработали модель «качественной» семьи, включив в нее семь показателей, таких как [10]: уровень социального здоровья членов семьи; уровень физического самочувствия членов семьи; материальный уровень, позволяющий членам семьи удовлетворять основные духовные и ма-

териальные потребности; уровень воспроизводства (обязательное наличие в семье ребенка); уровень образования (наличие минимального уровня образования и профессиональной квалификации); правовой уровень (отсутствие правонарушений, судимости, насилия в семье и т.д.); социально-психологический уровень (благоприятный психологический климат в семье, положительное мнение социального окружения и др.).

Очевидно, что эта модель не может сформироваться в обществе, в котором отсутствуют благоприятные условия для жизнедеятельности, а поэтому современную российскую семью можно рассматривать, скорее, как жертву сложившегося социального порядка, нежели как источник его разложения. Тем не менее, очевидно, что данная модель, ориентированная на формирование высокой ценности семейного образа жизни, улучшение социального и физического здоровья общества, снижение подросткового одиночества, молодежной девиантности, семейного насилия, потенциально способна изменить социальный фон общества на благоприятный, так как общество состоит из семейных единиц, благополучие которых автоматически ведет к позитивизации социальных отношений.

В семье человек приобщается к труду через выполнение домашних обязанностей. В семье ребенок может наблюдать отношение к труду, к профессии со стороны взрослых и воспринимать профессиональный труд через восприятие отношения к нему со стороны работающей части семьи. Потребительская деформация семьи, преимущественно развлекательная структура досуга молодежи, искаженный образ родительского труда в тех случаях, когда он носит изнурительный, недостойно оплачиваемый, вынужденный (не имеющий отношения к специальности) характер, – все это формирует искаженное представление о труде и искаженные трудовые ценности. Да и сами родители ради благополучия детей изначально ориентируют их на получение престижной профессии [11], приносящей хороший доход, прилагая все усилия, чтобы дать «нужное» образование детям, зачастую в ущерб их реальным склонностям и способностям.

Система образования на современном этапе также выступает образцом агента социализации, не формирующего отношение к труду как духовной ценности. Институт образования практически перестал воспитывать, сконцентрировавшись на знаниевой подготовке как важнейшем основании для дальнейшей ступени образования. Переход на систему ЕГЭ окончательно «убил» живое слово учителя, рейтинг которого тем выше, чем эффективнее он подготовит учеников к сдаче по тестовой системе ЕГЭ. О воспитательной стороне образовательного процесса в школе совершенно забыли, и в этом, наряду с низкой воспитательной активностью в семье, видится источник деформации социализационного процесса.

Что же удивительного в том, что современный подросток, по мнению Т.А. Хагурова, испытывает дефицит продуктивных увлечений и интересов, является «разумным эгоистом», так как на первом плане у него личный успех и благополучие свое и своих близких при отсутствии идеалов социального служения и понятия о гражданском долге, а желательные личностные качества складываются вокруг понятия «эффективность» и практически не связаны с нравственным измерением; его морально-нравственное сознание размыто и носит ярко выраженный гедонистический характер, что формирует пассивность, безволие и инфантилизм [12].

Человек без ценностей и чувства долга, как пишет М.В. Усова, совершенно безболезненно вписывается в модель глобального мира, движимого инстинктом самосохранения и потребностью в постоянном комфорте [13]. Тот факт, что этой молодежи предстоит в ближайшем будущем определять облик России, заставляет задуматься о путях и механизмах преодоления негативных явлений в молодежной среде России, хотя все выше сказанное не означает, что вся молодежь характеризуется перечисленными нравственно-психологическими деформациями.

Тем не менее, обобщающий анализ морально-нравственного состояния российской молодежи не позволяет закрыть глаза на явные признаки снижения ее духовно-нравственного потенциала, роста социального инфантилизма, и в определенной степени ответственность за это несет система образования, которая в стремлении соответствовать «духу времени», активно реформируется, и в ходе этого процесса стремительно разрушается накопленный потенциал российской системы образования при незначительном продвижении вперед на пути перевода образовательной системы в русло рыночных отношений.

Что значит соответствовать современным требованиям и стандартам? – задается вопросом Ю.Г. Волков в своей работе «Российское образование: креативный потенциал» [14]. Российские вузы активно «плодят» ненужных для рыночной экономики специалистов, и ясно, что решение этой задачи представляет определенную важность для рыночной экономики, нуждающейся в узкопрофильных специалистах, но это задача из числа кратковременных, а в стратегическом аспекте, как отмечает данный исследователь, модернизация образования должна ориентироваться на развитие интеллектуального и культурного капитала общества, формирование личности инновационного типа, способной приносить пользу обществу [15]. Такая страте-

гия модернизации российской системы образования видится данному ученому как определяющая процесс формирования креативного общества и креативного класса. Именно система образования стоит у основ формирования креативности, которая содержит интерес к своей стране, ее культуре, историческому прошлому и стремление к социальной активности в рамках совместной деятельности [16].

Если мы обратимся к истории отечественного образования, то увидим, что его миссия была связана с концентрацией творческих сил общества, с сохранением социокультурной преемственности, связи времен и поколений. Да, безусловно, кардинальные перемены в обществе диктуют необходимость обновления образовательной системы для удовлетворения различных образовательных стратегий, но обновление всегда базируется на прочном фундаменте традиций, в данном случае – образовательных. В истории советской системы образования образовательные традиции были самым тесным образом связаны с трудовой этикой советского общества, разрушение которой произошло столь же стремительно, как и разрушение образовательных традиций. В итоге сегодня образовательная система слабо связана с рынком труда, так как отсутствует связующее звено – трудовая идеология, единая для всего общества.

Исследователи констатируют утрату в современной России ранее успешно функционировавшей системы взаимодействия государства и социальных институтов в рамках осуществления процесса социализации молодежи и ее интеграции в социум посредством таких механизмов, как экономический – через различные формы трудоустройства молодежи; правовой – через конституционно закрепленную обязанность трудиться и наличие системы уголовной ответственности за тунеядство; образовательный – через введение в школьные программы обучения обязательных курсов профориентации и профподготовки; нравственный – через формирование ценностных установок на труд как важнейшую сферу самореализации личности [17].

Н.В. Жукова, актуализируя проблему роли школы в процессе трудовой социализации учащейся молодежи, также отмечает, что включенность школьников в профориентационную деятельность школы весьма незначительна, так как потеряли свое значение экскурсии на промышленные предприятия и организации, а та профориентационная работа, которая ведется, зачастую сводится к тестированию по профессиональному выбору и некоторым другим ситуативным и малоэффективным мероприятиям [18]. На низкую эффективность процесса трудовой социализации учащейся молодежи в школе оказывает также влияние значительное, если не сказать катастрофическое, снижение авторитета учителя, с которым учащиеся перестали советоваться, делиться своими жизненными и профессиональными планами.

Трудовая социализация студенческой молодежи отличается немногим по степени своей эффективности, и, хотя в стенах высшего учебного заведения уклон делается на профессиональную социализацию, она не может не содержать в своей основе аспектов трудовой социализации. Независимо от того, в какой профессиональной сфере собирается реализовать свою субъектность студенческая молодежь, система образования должна ориентировать на наращивание творческого потенциала, на креативность как качество, необходимое для успешной трудовой и профессиональной деятельности.

Российская образовательная система в ее нынешнем состоянии, по оценке Ю.Г. Волкова, далека от реализации креативного проекта и перехода к системе формирования и развития креативной личности, так как в массовых практиках акторов образования доминируют установки на адаптивность, получение диплома, социальную номинацию, и причины такой ситуации связываются с тем, что не созданы условия для институционализации креативной среды в образовательном пространстве, в котором реализуются административно-организационные методы решения проблем образования с ориентацией на технократическое видение его перспектив [19].

Может ли система образования формировать креативность в современных условиях, когда студент не имеет четкого представления о том, куда он пойдет работать, сможет ли найти работу по специальности и захочет ли? Одним словом, мы возвращаемся к ключевой мысли – в обществе должна функционировать единая система трудовой социализации молодежи, в рамках которой существует тесное взаимодействие всех институтов социализации молодежи, осуществляющих свою социализационную миссию в рамках единых ценностно-нормативных, правовых, идеологических установок. Такая система существовала в советском обществе, а за ее разрушением на современном этапе не последовало создание новой, что и привело к деформации процесса трудовой социализации молодежи в современной России на всех ее стадиях – семейной, школьной, студенческой, производственной.

Итак, в качестве заключительного вывода следует отметить следующее. Ценностная аномия, ставшая итогом исторической ревизии прежних ценностных установок и норм, не вписавшихся в логику рыночных отношений постсоветского общества, послужила источником со-

циализационного кризиса в стране и, как результат, – кризиса и деформации трудовой социализации, в рамках которой перестала формироваться внутренняя мотивация к труду как ценности духовного порядка.

Таким образом, институты социализации воспроизводят тот формат трудовой социализации, который соответствует российскому обществу с его сугубо прагматичным отношением к труду, доминирующей моделью потребительского образа жизни и тенденцией к депрофессионализации, зачастую вынужденной. Иными словами, первичные агенты трудовой социализации (семья и образование) вполне адекватны в своей роли сложившейся социально-экономической ситуации и условиям рынка труда, не готового к принятию ориентированной на высокий профессионализм и креативность в труде молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Верещагина А.В., Самыгин С.И.* Информационные аспекты обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 93.
2. *Возмитель А.А.* Образ жизни: от советского к российскому // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. Ред. Академик РАН М.К. Горшков. – Вып. 10. – М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. – С. 282.
3. *Тощенко Ж.Т.* Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 5.
4. *Возмитель А.А.* Указ. соч. – С. 285–286.
5. Там же. – С. 286.
6. *Посухова О.Ю.* Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. – 2013. – № 12. – С. 100–103.
7. *Козырева П.М.* Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. Ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 213.
8. *Хагуров Т.А.* Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник Института социологии. – 2013. – № 7. – С. 159 // www.vestnik.isras.ru
9. Там же.
10. *Верещагина А.В., Самыгин С.И.* Семья и социальная безопасность России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 2. – С. 118.
11. *Посухова О.Ю.* Работа мечты: сравнительный анализ представлений жителей Ростовской области и России. // Власть. – 2013. – № 5. – С. 130–134.
12. *Хагуров Т.А.* Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник Института социологии. – 2013. – № 7. – С. 175 // www.vestnik.isras.ru
13. *Усова М.В.* Сетевые риски в глобальном обществе: социально-философский аспект // Власть. – 2014. – № 4. – С. 76.
14. См.: *Волков Ю.Г.* Российское образование: креативный потенциал. – Ростов-на-Дону: Антей, 2011.
15. Там же. – С. 3.
16. Там же. – С. 23.
17. *Иванова Т.Н.* Социально-трудовая мобильность современной молодежи: состояние и перспективы (региональная специфика). Автореферат дисс. ... док. соц. наук. – Саратов, 2012. – С. 3.
18. *Жукова Н.В.* Роль школы в процессе трудовой социализации выпускников малого города [Электронный ресурс] // http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/2002.pdf
19. *Волков Ю.Г.* Российское образование: креативный потенциал. – Ростов-на-Дону: Антей, 2011. – С. 7.

REFERENCES

1. Vereshchagina A.V., Samygin S.I. Informatsionnye aspekty obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Rossii. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2014. no.4. p. 93. (in Russ.).
2. Vozmitel A.A. Obraz zhizni: ot sovetskogo k rossiyskomu. Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik-2011. Otв. Red. Akademik RAN M.K. Gorshkov. Vyp. 10. Moscow; Saint-Petersburg.: Institut sotsiologii RAN, Nestor-Istoriya, 2011. p. 282. (in Russ.).
3. Toshchenko ZH.T. Teoreticheskie i prikladnye problemy issledovaniya novykh yavleniy v obshchestvennom soznanii i sotsialnoy praktike. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. no. 7. p. 5. (in Russ.).
4. Vozmitel A.A. Ukaz. soch. p. 285-286. (in Russ.).
5. Tam zhe. p. 286.
6. Posukhova O.YU. Professionalnaya dinastiya kak rezultat semeynykh strategiy: inertiya ili preemstvennost? . *Vlast*. 2013. no. 12. pp. 100-103. (in Russ.).
7. Kozyreva P.M. Mezhpokolennaya sotsialno-professionalnaya mobilnost v postsovetsoy Rossii . Rossiya reformiruyushchayasya. Vyp. 11: Ezhegodnik . otв. Red. M.K. Gorshkov. Moscow: Novyy khronograf, 2012. p. 213. (in Russ.).
8. KHagurov T.A. Deviatii, sotsialnyy kontrol i riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii . *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2013. no.7. pp. 159 .www.vestnik.isras.ru (in Russ.).

9. Tam zhe.
10. Vereshchagina A.V., Samygin S.I. Semya i sotsialnaya bezopasnost Rossii . *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2014. no. 2. p. 118. (in Russ.).
11. Posukhova O.YU. Rabota mechty: sravnitelnyy analiz predstavleniy zhitel'ey Rostovskoy oblasti i Rossii. . *Vlast*. 2013. - № 5. - S. 130-134. (in Russ.).
12. KHagurov T.A. Devyatsii, sotsialnyy kontrol i riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii . *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2013. no. 7. p. 175 . www.vestnik.isras.ru (in Russ.).
13. Usova M.V. Setevye riski v globalnom obshchestve: sotsialno-filosofskiy aspekt . *Vlast*. 2014. no. 4. p. 76. (in Russ.).
14. Sm.: Volkov YU.G. Rossiyskoe obrazovanie: kreativnyy potentsial. *Rostov-na-Donu: Antey*, 2011. (in Russ.).
15. Tam zhe. - S. 3.
16. Tam zhe. - S. 23.
17. Ivanova T.N. Sotsialno-trudovaya mobilnost sovremennoy molodezhi: sostoyanie i perspektivy (regionalnaya spetsifika). Avtoreferat diss. ... dok. sots. nauk. *Saratov*, 2012. p. 3. (in Russ.).
18. ZHukova N.V. Rol shkoly v protsesse trudovoy sotsializatsii vypusknikov malogo goroda [Elektronnyy resurs] .http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/2002.pdf(in Russ.).
19. Volkov YU.G. Rossiyskoe obrazovanie: kreativnyy potentsial. *Rostov-na-Donu: Antey*, 2011. p. 7. (in Russ.).